

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Что она хорошо помнила, так это метель. Настоящую, когда не видно неба и земли, а только белые клочки, которые кружат, превращаясь в мягкий платок. Удивительно, но в метель не было ни пронизывающего влажного холода, ни колючего мороза — уютный мягкий воздух и огромные хлопья.

С метелью приходила красота. Снег был отличным декоратором — исчезал хлам во дворах, грязь на дорожках превращалась в белые ткани, на крышах, ставнях, кольях забора и других выпуклостях лежали аппетитные снежные булки.

Алина очень любила метель. В какое бы время ни случались эти снегопады в их северных краях — будь то канун Нового года или середина апреля, — всегда возникало ощущение праздника. А в деревне его не хватало. Короткое лето не баловало красками, хмурую осень делали еще более мрачной темные еловые леса. А зима была белой, чистой и радостной.

Поводов огорчаться прибавилось, когда поселок, где было всего двадцать домов, собрались «отменить». То есть как населенный пункт он переставал существовать. Большинство жителей, словно только и ждали этого, быстро перебрались в город или в ближайшие крупные

Догнать любовь

села. И Алина Новгородцева с матерью и собакой Байкой остались практически одни. Нет, еще в конце улицы жил Юра Шелепихин. Но на того нельзя было ориентироваться — Юра всегда двигался против течения. Вот и теперь, когда большая часть местных уехала, получив солидные подъемные, он оставался в своей избушке.

— Я никуда не поеду. В другую деревню или в село я и не подумаю переезжать. Я в город хочу, но там мне не могут предложить ничего дельного.

Алина Новгородцева ничего не отвечала Юре, а ее мать только ругалась.

— Что ты творишь?! — выговаривала он Шелепихину. — Останешься без денег и жилья!

— Не останусь, я свои права знаю, — отвечал Юра.

Алине все это порядком уже надоело. Сил уже не было жить «на чемоданах», набирать воду из колодца, топить печь.

— Мама, почему у нас так неустроено? Почти везде и газ есть, и вода в доме, и вообще все удобства, а в нашей дыре все так не по-человечески?! — иногда спрашивала она, хотя ответ давным-давно знала. Но мать не сердилась, она с каким-то удовольствием рассказывала дочери одну и ту же историю:

— Так здесь жить долго никто не собирался! Деревня из «временок» выросла. Вот, дорогу проложили, месторождение освоили — и уехали все те, кто сюда вербовался. Они же из больших городов приезжали. Поработать, дело сделать и денег добыть. Здесь же вообще никто никогда не жил на многие километры.

— Ну отчего же мы не уехали? Мы же тоже сюда приехали на время. А застряли на всю жизнь! — возмущалась Алина.

— Так случилось — ты родилась, а меня в школу позвали работать — у нас тут как раз детишки подросли у

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

всех. И школу-четырёхлетку открыли. А потом отец получил повышение здесь. И что?! Надо было все бросать?! Здесь же работа его любимая была!

Алина знала про отца — он начинал простым геодезистом, потом стал начальником управления. Мотался по всей области, Алина с матерью его ждали. И больше всего боялись этой самой метели — теплой, уютной, но очень коварной. Местные жители пересказывали все истории, когда машины заметало, а людей находили замерзшими. Еще Алина помнила разговоры родителей — они тогда обсуждали, как заработают здесь денег, вернуться в город и купят сразу квартиру себе и подрастающей дочери. Действительно, в этих местах платили щедро и честно — знали, что иначе люди здесь не останутся. И сбережения у семьи Новгородцевых увеличивались, и планы становились грандиознее. Вот только никуда они не уехали. Потому что Борис Иванович срочно вылетел на дальний участок, там у него сильно заболел бок. Он морщился, глотал таблетки, но к врачам не обращался. Когда же его вертолетом доставили в больницу, было поздно.

— Перитонит, — развел руками хирург, — видать, мужик был терпеливым. И неосторожным. Скорее всего боли его мучили давно.

Елена Владимировна убивалась так, что Алина за нее испугалась. Раньше она вообще не видела, чтобы мать плакала. Родители жили дружно, людьми были спокойными, дома не шумели, переживания не афишировали. Уход отца вдруг все перевернул. Оказалось, что без него и смысла во всей этой жизни нет. И ехать никуда не хочется и не нужно. Алина, слушая эти разговоры матери, немного обижалась. Ей было странно, что в своем горе мать забыла про дочь. А ведь у нее скоро десятый класс, экзамены, надо усиленно заниматься, ходить на

Догнать любовь

дополнительные занятия. Для этого всего надо перебраться в город. Тем более деньги есть. Но Елена Владимировна с места не двигалась. Алина всю неделю жила в школе-интернате, на выходные дни приезжала домой. И пыталась повлиять на мать, но та отмалчивалась. Она по-прежнему учила младшие классы, вечерами читала книжки и перебирала фотографии. Алина как-то устроила истерику, накричала на мать, а успокоившись, сказала:

— Мама, ты как хочешь, а я поступать поеду или в Москву, или в Петербург, в «Лесгафта». Знаешь, я же спортсменка, у меня даже есть награды. Это учтут.

— Как знаешь, — ответила Елена Владимировна.

Она не разделяла этого увлечения дочери — лыжи. «Тебе надо много читать, больше музыки слушать... А спорт... Это не профессия», — говорила она. Алина слушала, но продолжала ходить в секцию и ездить на соревнования. Она с малолетства бегала на лыжах — ее научил отец. Он же устраивал с ней шуточные соревнования, заставлял ее спускаться с самых крутых горок, которые образовались на старых месторождениях из отработанной породы. К пятнадцати годам Алине не было равных в округе — она была вынослива, чрезвычайно упорна и имела неплохую технику. На всех местных соревнованиях среди школьников первой была Алина.

Так случилось, что новость о том, что деревню ликвидируют, и приглашение Алине в юниорскую сборную пришли одновременно. И они вывели Елену Владимировну из ее состояния. То ли время горя само собой пошло к концу и его заслонили воспоминания о хорошем прошлом, то ли душа потребовала работы и усилий. Так или иначе, но мать занялась поисками квартиры, при этом во всем советовалась с дочерью.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Если уезжать из этих мест, то только в Петербург! И поступать тебе лучше там. Вся моя родня жила в Петербурге, и сам бог велел туда вернуться.

Алина радовалась, что мать отошла от горя и они наконец будут жить в нормальных условиях с горячей водой. А с другой стороны, воображая эту новую предстоящую жизнь, она тут же задавалась вопросом: каково это, все время жить в городе? Постоянно находиться в огромном каменном пространстве, без леса в трех шагах, без мелкой ледяной и почти не замерзающей речушки, состоящей из одних ключей, без тишины снежных полей. Все-таки это был ее мир, ее суть. Мать чувствовала это раздвоение.

— Расставаться всегда тяжело. Будь это человек, дом или место. Но что делать — надо поступать в институт. В город перебираться. Человеку нужна цивилизация, — говорила Елена Владимировна.

— Да, конечно. Так и есть, — отвечала Алина, но на душе скребли кошки. Иногда она сама не знала, нужна ли ей цивилизация.

— Знаешь, дочка, я сама не могла уехать отсюда, но надо. У тебя вся жизнь впереди.

Мать очень точно уловила настроение Алины — нужен был простор и возможность выбора, но вместе с тем здесь оставалась часть ее души — детство, счастливое время, когда был жив отец.

— Мы можем купить небольшую квартиру, но, конечно, не в центре, а где-нибудь в историческом уголке, куда тоже любят приходить туристы. Представляешь, ты с соревнований приедешь, тебе отдых нужен, покой. Да и учиться продолжать надо. Тоже для этого условия необходимы. А Петербург — это прекрасное место для образования. Знаешь, я прямо вижу эту квартиру — удобную, светлую.

Догнать любовь

— Мама, во-первых, в Петербурге еще надо найти светлые комнаты и ясную погоду, — рассмеялась Алина, — а во-вторых, в отелях тоже удобно. Главное, чтобы новое жилье нам обоим нравилось. Чтобы тебе было хорошо. Сколько лет ты топила эту печку? Носила воду из колодца?

— Тяжело было иногда, но все равно, это такие были времена счастливые!

— Потому что с нами был папа. И вы были молодыми, — улыбнулась Алина.

Предчувствие перемен захватило их. Они часами изучали возможные варианты, смотрели карту города, разговаривали с риелторами. Алина была рядом с матерью, помогала ей во всем, но душу ее грел спорт. Именно он ее спасал в такой сложный для них момент. И Алина почувствовала, как славно преодолевать природу, себя, свой характер, собственные слабости. Куда-то далеко отходили недовольство, обиды, сомнения. На смену им являлись сила и уверенность. Победы в соревнованиях становились полноценной наградой и заставляли верить в себя. Алина была благодарна спорту и предавать его не собиралась.

И вот наступил май, потом июнь. В последних числах Алина приехала из интерната. Елена Владимировна собиралась вылететь в Петербург. Там ее ждали два варианта квартир — одна в районе Технологического института, вторая — на Черной речке. Алина помогла матери сложить чемодан и только вечером объявила:

— Мама, я ведь тоже уезжаю. С тобой. Поступать буду. А потом на сборы. Почти два месяца. Видишь, как получается все здорово — школу я окончила, в Петербурге мы будем вместе — и никого не надо просить. Мы с тобой вдвоем управимся.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— У вас же еще один экзамен?! — удивилась Елена Владимировна.

— Не хотела тебе говорить. Боялась сглазить — я его сдала экстерном. Очень хотелось попасть на сборы и с тобой поехать. Аттестат я получу уже в понедельник.

— И как же сдала последний экзамен? — строго спросила Елена Владимировна.

— На «четыре». У меня в аттестате сплошные четверки. Пятерок нет, но и троек тоже. Почти.

— Почти?

— Физика, — вздохнула Алина.

— А что это за сборы? Куда вы должны поехать? И как это сочетать с поступлением? Тебе же отдохнуть надо после экзаменов.

— На тренировках и отдохну. Сборы будут на нашей базе в Красноярске, а потом, не поверишь — в Альпы поедем. Там будем тренироваться.

— Там же горными лыжами в основном занимаются?

— Там отличная лыжня. Искусственная. Но у нас будет немного отдыха, общая физическая подготовка, бассейн. Одним словом, и полезное, и приятное.

— Вот это да! — порадовалась мать, но тут же спохватилась: — Я, конечно, управлюсь, но все же покупка квартир — такое дело!

— Да, его надо вместе делать. А я еще договорилась, на случай, если нам нужна будет помощь, — мне дала телефон наша завуч. У нее там знакомая, а у той муж когда-то риелтором был. Все ходы и выходы знает. Поможет во всем. Ну это если нам понадобится. Может, нам и не понравится то, что что мы с тобой нашли.

— А как же переезд... Собрать вещи здесь...

— Мама, кстати, ты же сама говорила, что у тебя там тоже знакомые есть? Одним словом, не пропадем. А от-

Догнать любовь

сюда мы возьмем только книги, одежду и фотографии. И потом, мам, зачем отсюда что-то везти. Самое главное — взять с собой Байку. Конечно, городская жизнь ей покажется несладкой, но не оставлять же ее здесь!

— Ты с ума сошла, как ты можешь так говорить! — возмутилась мать. — Байка переезжает вместе с нами. А пока мы будем квартиру смотреть, она поживет у Шелепихина.

— Да, Юра странный, но собаку ему доверить можно! Вот и отлично! Собака. Книги, фотографии и одежда. Все остальное купим на месте. Или ты купишь, — улыбнулась Алина.

— Дочка, ты ошибку не делаешь? Ну, профессию можно же нормальную выбрать?

— Мама, я очень люблю лыжи. И стану профессиональной спортсменкой. Я тебе обещаю.

— А как же институт..

— Мы уже это обсуждали. И чем тебе плох институт физкультуры?!

Елена Владимировна только развела руками.

Алина была бойким ребенком и выросла решительной девушкой. Характер у нее был спортивный — высоту брать не боялась, цели ставила трудные, упрямство проявляла завидное. То ли окружающий ее мир — бескрайние леса, поля и суровый климат — так повлиял на нее, то ли родители сумели воспитать в дочери бойцовские качества. Ее умение справляться с трудностями распространялось на все — училась ли она читать в детстве, падала ли, катаясь на лыжах, готовилась ли к контрольным по физике — предмету нелюбимому. Характер она проявляла и в отношениях со сверстниками. Алина была симпатичной девочкой — немного курносый нос, пухлые щеки с ямочками, остренький подбородок

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

и каштановые волосы средней длины. На взгляд парней она была хорошенькой, даже веснушки ее не портили. Но всегда находился кто-то, кто задевал ее смешным прозвищем или подсмеивался над не очень стройными ногами. «Зато они мне устойчивость на лыжне дают. Они сильные!» — говорила сама себе Алина, упрямо выпячивая острый подбородок в ответ на смешки.

В школе она была одной из тех, в кого не влюбляются мальчики, но с кем им удобно дружить. Алина была легка на подъем и склонна к проказам и авантюрам, запросто могла посоревноваться с мальчишками в спортивных дисциплинах и никогда не кокетничала. Она вела себя ровно и просто, а потому с ней было легко и удобно. В классе, да и во всем интернате, не нашлось мальчика, который бы ей понравился. Примерно до десятого класса Алина по этому поводу даже не расстраивалась, а потом вдруг все стали «тусоваться» — по поводу и без оно, ребята начали собираться кучками в своих комнатах в интернате, в ближайшем кафе, в теплое время — в соседнем сквере. Казалось, всем стало наплевать на предстоящие выпускные и вступительные экзамены, десятиклассники понимали, что очень скоро расстанутся навсегда, и поэтому хотели продлить беззаботность и веселье школьных лет. И тут оказалось, что в старших классах все давно разбились на пары, только у Новгородцевой ее нет. И еще выяснилось, что все темы, которые так сближали ее с мальчишками, на этих тусовках совершенно не популярны.

Алина помнила, как праздновали «декабрины» — дни рождения тех, кто родился в декабре. Для этого в столовой интерната накрыли сдвинутые столы и наготовили всего вкусного. Еще пригласили местную группу, которая играла модные песни. Алина весь вечер просидела одна. Она с нарочито равнодушным видом иногда оглядывала

Догнать любовь

зал, но, убедившись, что все заняты танцами и друг другом, переводила взгляд на свою тарелку. Там в подтаявшем холодце намокал пирожок. Если бы она была дома, в деревне, она бы ушла с мероприятия минут через пять после официальной части. Но она находилась в интернате и могла только подняться на третий этаж и перейти в спальный корпус. Можно, конечно, было еще выйти на улицу. Но мела метель, и покидать интернат в такие дни школьникам запрещали. Поэтому пришлось делать вид, что у нее хороший аппетит, она просто занята своими делами и мыслями. Хотя Алина еще попытала удачу с Ветошкиным — одноклассником, который пробегал мимо.

— Глеб, слушай, а у тебя задачи по физике решены? — спросила она.

— Какие задачи? — спросил Ветошкин, не отрывая взгляда от танцующих в центре столовой.

— Иди уже, — отмахнулась Алина.

Она знала, что Глеб страшно ревнует Марину Ежову к Сашке Быстрову, поэтому вид Марины, танцующей с Быстровым, занимал его гораздо больше, чем дурацкие задачи по физике. «Господи, какой же идиот! Все равно Маринка с ним не будет, зачем так унижаться...» — зло подумала Алина, хотя Глеба стало жаль. Он был умным, спокойным и добрым. «А Быстров — козел и выскочка! — зло подумала Новгородцева. — Как Глеб не понимает: если Маринка выбрала этого урода, то она сама такая же». Хотя Алина знала, что все не так, просто Ежова влюбилась в высокого и красивого Быстрова. К тому же Сашка был лучшим лыжником не только в команде интерната, но и в области, побеждал на всех местных соревнованиях и уже успел поучаствовать в общероссийских. Его, как и Алину, взяли в юниорскую сборную области, правда, со словами «это аванс, и надо приложить немало усилий, чтобы результаты росли».

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Быстров был хорош собой. Но Алина чувствовала, что за привлекательной внешностью скрывается совсем не симпатичное нутро. Не то чтобы Новгородцева была хорошим психологом, просто она знала, как проявляется человек на соревнованиях. Как бы ты ни гнался за рекордами личными, работаешь ты на команду. А как раз этого Быстров делать не умел. Или не хотел. Алина подозревала, что в дружбе или в каких-то других отношениях этот человек поведет себя так же. Вот почему она презирала и Ежову, которая купилась на «фантик», и Ветошкина, который должен был понять ничтожность Ежовой, коль скоро та увлеклась таким сомнительным Быстровым.

Впрочем, в тот вечер «декабрин», когда все так отчаянно веселились, предвкушая новогодние праздники и каникулы, Алине было грустно. Она вдруг почувствовала, что что-то упустила. Оказалось, что, кроме лыж, школы, подруг и мамы, существует еще что-то — и это очень важно для нее.

Новгородцева на следующий день отпросилась домой. Ей теперь много вопросов не задавали — она была на особом счету в школе, как и Быстров. Классная руководительница сказала Алине:

— Поезжай, можешь уже не возвращаться — осталось три дня, а потом каникулы. Наверное, еще и на соревнования поедешь в середине января?

— Да, скорее всего...

— Вот и побудь с мамой...

Пока Алина добиралась до деревни, она себя уговаривала: «Что я так расстраиваюсь?! Вон как хорошо у нас все складывается — скоро мы с мамой переедем, и этот Быстров, и Ветошкин, и Ежова — все они забудутся... Какого черта я расстраиваюсь?» Но на душе было скверно.